

мати, ни очима сгледати“ (70); „темно бо бѣ въ тѣ день: два солнца помѣркости, оба багряная стѣпа погасоста“ (71); „ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклонилось“ (69); „тоска разлияся по Русской земли, печаль жирна утече средь земли Руския“ (70); „Уныша цвѣты жалобю, и древо с туюю къ земли прѣклонилось“ (75); „въстона бо, братие, Киевъ туюю, а Черниговъ напастѣми“ (70).

В научной литературе неоднократно указывалось на большую синонимичность древне-русского языка по сравнению с языком современным.¹ Это, главным образом, касается терминов, определенных понятий, названий предметов (в буквальном смысле), которые представляли собой тождество и, по мнению исследователей, вызвано было, с одной стороны, самим процессом складывания письменного литературного языка, который был призван выражать, в значительной мере, понятия и представления нового мировоззрения (христианского),² — с другой, диалектной раздробленностью и отсутствием единого литературного языка. Но уже в древнейшую пору определенные области языка (выражение эмоций, некоторых сторон человеческой деятельности и т. д.) содержат значительное количество синонимов (не только слов-дублетов, но и слов-синонимов) в нашем понимании. Оставляя вопрос о происхождении или путях вхождения этих синонимов в литературный язык, укажем на то, что уже в самых старых памятниках мы встречаем синонимы, поставленные рядом (обычно с союзом „и“), причем как контекст, в котором они встречаются, так и постоянство их сочетания, а также частота употребления не оставляют никакого сомнения в том, что художественная, выразительная функция их заключается в усилении значения. Например синонимы горя, печали: „туга“, „скорбь“, „печаль“, „тоска“, „беда“, „сухота“, „кручина“, встречаются очень часто в текстах в сочетаниях,³ некоторые из них являются как бы „постоянными“, например „туга и скорбь“, „туга и печаль“. Синонимы эти, будучи взяты отдельно, имеют целый ряд оттенков в семантике, но и постоянно перекрещиваются, совпадают, дополняя и усиливая друг друга. Например слова „скорбь“, „туга“, „печаль“ одинаково передают в переводах греческие: ἡ στενωχώρα, ὁ θλιμὸς (ἢ θλίψις), ἡ ἀμνηχανία, ἡ ἀθυμία. И в данном случае для нас не важно, каковы происхождение и история этих слов в русском языке до XI—XII вв., а важно то, что эти слова выступают в памятниках в качестве синонимов в одном предложении, являются однородными членами, дополняющими и усиливающими друг друга. Слово „кручина“ включается в круг этих синонимов значительно позднее (веро-

¹ П. С. Билярский Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе. Записки АН т. II, СПб., 1862, стр. 120; Б. А. Ларин. Проект древне-русского словаря. М.—Л., 1936, стр. 51; Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 81—83.

² Именно поэтому область новых понятий и содержит особенно большое число синонимов, точнее: различных названий одного и того же понятия или предмета.

³ См., например, цитацию на эти слова в „Материалах для словаря др.-русск. яз.“ И. И. Срезневского, в особенности на слова „туга“, „скорбь“, „печаль“.